

В зеркале высокого
И непреходящего
Прошлое значительно
Ближе настоящего...

Виктор
АСТАФЬЕВ
Валентин
РАСПУТИН

Просто
письма...

Библиотека мемуаров
«Близкое прошлое»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

УДК 821.161.1-6
ББК 84(2Рос=Рус)6ю14
П 35

*Серийное оформление
Константина ФАДИНА*

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04541-5

- © Лосева О. В., наследница, составление, текстологическая подготовка, примечания, 2018, 2022
- © Астафьев В. Г., наследник, 2018, 2022
- © Астафьева П. Г., наследница, 2018, 2022
- © Курбатов В. Я., вступительная статья, 2018, 2022
- © Гремицкая А. Ф., предисловие, 2018, 2022
- © Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

Между ними и между нами

В письме твоём я даже голос твой слышу
(В. П. Астафьев В. Г. Распутину 1975)

Каждый из нас, если не на бумаге, то в памяти
должен бить и бить свои последние поклоны
(В. Г. Распутин В. П. Астафьеву 1976)

Я давно собиралась написать тебе и не написала
и «мрачною, как вспомню об этом», как сказал
когда-то Коля Рубцов
(М. С. Астафьева В. Г. Распутину 1999)

*Дорогие мои Валентин Григорьевич, Виктор Петрович
и Марья Семёновна!*

Я не буду выставлять даты, потому что там, где вы теперь, наверное, нет и самого слова «время», которое бессмысленно перед понятием «вечность». Я пишу вам это письмо из Михайловского, в котором вы все в разные годы бывали, и знаете, что здесь эти слова и понятия таинственно соединены и вечность легко проступает сквозь время. И пишу осенью, когда особенно остра печаль угасания.

Так вышло, что время вашей переписки мы прожили, зная друг друга, встречаясь, а там и дружа. И оттого я читаю многие страницы, словно они обращены и ко мне. Да временами так и было, когда Марья Семеновна писала на машинке под диктовку Виктора Петровича словно нам с Валентином обоим (видно, по родству имён), так что некоторые из писем разнятся лишь несколькими абзацами. Это происходило не от экономии времени, а от единства дыхания.

Вот хоть самое начало. Помните, Виктор Петрович, Вы писали мне 14 ноября 1974 года: «Валя Распутин написал что-то совершенно не поддающееся моему разуму, потрясающее по мастерству, проникновению в душу человека и той

огромной задаче, которую он взвалил на себя и на своих героев повести «Живи и помни». А через месяц, как я теперь вижу (20 декабря 1974 года), писали уже самому Валентину: «Очень ты хорошую повесть написал, Валя. Очень! Я такой образцовой, такой плотной и глубоко национальной прозы давно не читал в нашей современной литературе».

Или через полвека в августе 1999 года Марья Семёновна пишет тебе, Валентин (мы были на ты): «Меня мало утешает то, что изрёк итальянский поэт почти шесть веков назад «И жизни нет конца, и мукам краю». Муки действительно идут вместе в нашей жизни, зато сама жизнь чем дальше, тем ощутимее идет на убыль... И тут уж, как сказал Пушкин, «Как дни бегут, печали умножая...» Господи! Одни цитаты, будто ли я такая умная...» И, верно, в тот же день мне с тем же началом, только после цитаты Пушкина: «Но это вовсе не потому, что я такая умная, увы, а скорее потому, чтобы выразить кратко то, что мне очень созвучно».

Может быть, мы и правда были на краткое время для них одно? И, если бы я знал это раньше, как иначе жила бы жизнь и как о многом думалось и писалось бы иначе. Но уж что теперь. Слава Богу, теперь я чувствую их роднее и слышу лучше. Я пишу это не для самоутверждения (какое самоутверждение в 77 лет?), а только в объяснение такого странного начала предисловия.

***

И тут, наверное, я оставляю это письмо к родным ушедшим теням, чтобы обратиться уже к тебе, читатель. И как бы хотелось не отвлеченно, а прямо и лично, сразу по имени без остраняющего обобщения (на ты, на ты!), потому что слишком живо и остро то, о чем надо говорить на полях этой переписки самых, может быть, открытых и самых дорогих русскому читателю людей. Не писателей, подчеркну, а живых, любящих, страдающих людей, деливших с нами смутные дни времени, которое еще не было историей,

а было бедой, болью, надеждой, чем всегда бывает жизнь, прежде чем одеться в защитно-безличные одежды общего миропонимания.

Письма перед тобой, и каждый волен избрать более правого собеседника и толковать внутренние отношения авторов по своему миропониманию. Можно не смущаться — бывают ли у писателей «частные» переписки, когда мы, не краснея, читали письма моего сегодняшнего михайловского соседа Александра Сергеича к Наталье Николаевне: «Какая ты дура, мой ангел! Конечно, я не стану беспокоиться, что ты три дня пропустишь без письма, как не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом». Как читали письма Софьи Андреевны к Льву Николаевичу (из комнаты в комнату!): «Ночью я все обдумала, и вот что мне стало мучительно ясно: одной рукой ты меня приласкал, а другой показал нож». После этого любая переписка — общая.

А я только по близости времени и знанию трех участников переписки скажу о своем личном восприятии и прошу прощения, если оно покажется порой слишком частным или слишком произвольным. Я не ученый, не комментатор, а только заинтересованный свидетель, который нет-нет мелькнет тут как «действующее лицо».

Как странно! Оказывается, мы, привыкая к художественным текстам, и в переписке ищем прежде всего художников, чтобы пейзаж, образ, сюжет, чтобы они были они, а не мы. И мне сейчас хочется оказаться там — в Аталанке, Овсянке, Иркутске, на Ангаре и Енисее. А их нет как нет, как будто ушли дожди и снега, наша зависимость от природы и пошли одни общие заботы. Вот, думал, сейчас, после анализа повести «Живи и помни», так и пойдет диалог художников — анализы, истоки сюжетов, проговорки замыслов, называние прототипов — только подставляй потом и проницательно восклицай: «А-а, вот это откуда...» Не дождешься и не узнаешь из писем — откуда Настёна из «Живи и помни», откуда Анна из «Последнего срока», Пашута из

рассказа «В ту же землю» или Тамара Ивановна из повести «Дочь Ивана, мать Ивана», хоть и замечено на полях, что не выдуманы, а взяты из реальной жизни. И «хронологию замыслов» — когда, что, откуда пошло — не выманишь. Не будет ни дат, ни «реальных случаев», и скоро поймешь, что письма и книги пишутся за разными столами.

Год за годом в письмах быт, жизнь, издательские заботы, цензура, домашние беды, редкие радости... Нет-нет и озорство, как в счастливо смешных письмах обоих после поездки в Японию, где любили того и другого и были «ссясливы видеть» (как Виктору Петровичу да не передразнить чужую речь!). А самое главное — дело свое будто втайне держат, чтобы «не сглазить». Постоянно спрашивают друг у друга — работаете ли, но не проговариваются.

Если глядеть на одну эту переписку, покажется, что после «Живи и помни» Виктор Петрович читал у Валентина Григорьевича только «Что передать вороне?» с той же нежностью и восхищением — «такого мироощущения, такого проникновения в самого себя, в свою, а значит, и человеческую душу, такого запредельного проникновения в звукопись, тонкости стиля и слова... и тебе еще достигнуть не удавалось, хотя я очень люблю «Живи и помни». И Валентин Григорьевич нет-нет скажет о «Печальном детективе», о «Царь-рыбе» с тою же высотой, но особенно они баловать друг друга не будут, потому что оба, как Виктор Петрович, уверены, что «восторги профессионально работающему человеку ни к чему».

Это и понятно, а все-таки жаль, что редко говорят они о своих книгах, потому что порой в таких разговорах открывается что-то дальнее, много определяющее в судьбе, а там и в миропонимании обоих. А потом, когда судьба и время берут власть над умом и сердцем, много объясняет и в том, отчего эти судьба и время начинают разводиться художников.

А разводиться начнет скоро. После 1986 года Виктор Петрович умолкнет и писать будет только Марья Семёновна, притворяясь, что пишет за двоих. И Валентин Григорьевич

будет писать ей в тайной надежде, что она прочтет Виктору Петровичу, и всё можно будет обмануть себя, что они вместе. А «не вместе» станут из-за различного понимания боевого времени «перестройки», когда, в общем, и все мы стали «вместе», и пока прежнего единства так и не наживем. Я сейчас и свою переписку с Валентином Григорьевичем и Виктором Петровичем той поры смотрю и тороплюсь пролистнуть ее скорее и позабыть — так там все накалено и тревожно, всё на срыве. И какое, думаю, счастье, что они взяли на этот час в посредники Марию Семёновну. Да и не брали, а она сама любящим сердцем ограждала их от прямого столкновения.

В переписке нет упоминания «Слова к народу» 1991 года, которое подписал Валентин Григорьевич и которое хоть сегодня перепечатавай от буквы до буквы со стыдом за свою тогдашнюю глухоту, и нет призыва «Раздавите гадину!» 1993 года, подписанного (ни понять, ни представить) Д. С. Лихачевым и Виктором Петровичем — документ террористический, хоть сейчас в 17-й, а то и 37-й год! При этом Виктор Петрович по типографской ли лени, по нарочитой ли злости (чтобы заметнее было!) подписан последним — весь список от Адамовича до Чулаки по алфавиту, а Астафьев за Чулаки как восклицательный знак. Упоминания-то в переписке нет, но расхождение всё отчетливее. И в письме ко мне после «Слова к народу» Виктор Петрович еще пишет, что с Беловым больше не сойдется, а с Валентином Григорьевичем «не без неловкости, но повидался бы», а уже в 1992-м холодно замечает, что и Валентин Григорьевич поселил в нем «здоровые сомнения», чтобы в 1994-м после «Гадины» и просто мне в лоб — сколько я буду «со своим Распутиным служить фашизму Зюганова и Проханова».

Почему мне так трудно и дается разговор об этой части переписки — так не хочется возвращаться в дни общего помрачения левых и правых, одинаково неправых перед Богом. Потому и жалко, что в письмах мало о книгах — там иногда и в косвенном примечании прорастают причины

взаимного непонимания. Вот хоть после горячих похвал «Живи и помни» Виктор Петрович укоряет Валентина Григорьевича за финал повести. Что по жизни Настёне бы не топиться с ребенком, а «затеряться в любом леспромхозе — раз плюнуть». И там же сам предполагает «нравственное что-то, совесть, неумение сдвинуться с места не позволили?» Правильно догадывается, а все равно просит поправить и даже «что-то от лукавого» находит в печальном финале повести.

Я помню: мне и Владимир Личутин говорил, что это «не по жизни», что такие бабы и на его Севере часто растили детей, и хоть бы что. А только «нравственное что-то» было для Валентина Григорьевича выше «правды жизни». Пушкин вон тоже первый-то вариант «Бориса» заканчивал «по правде жизни» — народ кричал: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!». А в печати сказалось высшее — «народ безмолвствует», потому что тут была Божья правда о народе, даже если он в себе еще этой правды и не слышал. Вот и у Валентина Григорьевича была высшая. Тот «безмолвствующий народ» и не позволил Настёне спрятаться в леспромхозе. Отчего эта высшая правда так потрясла японскую переводчицу Харуко-сан, что она крестилась в православие с именем Анастасия, чтобы продлить в мире эту святую правду.

Разное это понимание народа болело в них обоих. В 1994 году Виктор Петрович жалуется мне: «Распутин в “Правде” обвинил меня, что оторвался от народа. От какого народа?» и дальше горько и обидчиво, что народ-то вот он — и всех вокруг поименно. Да только разве Валентин-то Григорьевич этого народа так же поименно не знал и низости его не видел (почитайте в письмах его к Виктору Петровичу, что делал этот «народ» в его деревне, да и в Иркутской квартире — сколько зла и какой-то мстительной нечистоты), а только когда писал это слово, то поднимал его на пушкинскую высоту и там всегда и держал народ, и народ это его высшее заступничество слышал, подтяги-

вался и любил с братской и отеческой бережностью. А Виктор Петрович оставался с «овсянскими гробовозами», с нечистью «Печального детектива», с повседневной правдой. И тоже любил и понимал, но заглавной буквы в написании этого слова так до конца и не ставил. И у него народ был всякий, и доброго хватало с избытком, но все-таки это были всё «люди», земляки и товарищи, а не «народ», которого он боялся, а то и ненавидел за то, что этим обобщенным «народом» делалось море зла и ломались судьбы, в том числе и в его семье. Разные были у них «народы», и оба русские, как сами Виктор Петрович и Валентин Григорьевич, и жалко, что в этом главном не сошлись.

Слушая это расхождение и болея им в те же годы, я даже надумал однажды, что в эту переломную пору только сами писатели, кажется, и оставались этим высшим народом, пока «люди» бегали по политическим лагерям и тешились противостоянием. Они (Распутин, Шукшин, Астафьев, Белов, Носов — ряд, слава Богу, был долог и крепок) держали в слове золотое народное сердце, чтобы однажды устыдить им потерявших себя «людей». Оттого в 1990-м Валентин Григорьевич еще думает нагрянуть к Виктору Петровичу с Крупиным, и в 95-м Виктор Петрович, сердясь на Распутина за «ослабленный» рассказ «Сеня едет», пишет мне (тоже, верно, в надежде, что «передам»), что не надо ему «под Шукшина», потому что «лучший Валентин — это чтение трудное, к нему надо готовиться, очищаться маленько, как перед исповедью». В расхождении так не говорят. А в 1998-м и просто ждет его и Белова на Петербургскую конференцию библиотек и на «Литературные вечера» в Овсянке. Конечно, не дождется и отчасти из-за этого окончательно сердцем не отмякнет. Читал я тогда больной маме вслух «Пеструху» Виктора Петровича, посвященную Валентину Григорьевичу, плакал вместе с ней и так и не сказал, что они, по моим рассказам о том и другом давно уже родные ей, «не разговаривают». Не поняла бы она, как не поняли бы Анна и Дарья, а уж вот Пашута и Тамара Ивановна, пожалуй бы, и задумались.

Ну и хватит об этом. Просто не хотелось обходить эту болезненную тему — всё равно бы знающие читатели спросили, да и сейчас зло спрашивают. Оставим это горькое расхождение на совести времени, которое нажило слишком много «правд», являющихся, когда теряется из виду «Путь, Истина и Жизнь».

Лучше вчитаемся в свет и уходящую правду, которая даже и не уходит, а уж подлинно ушла, как ушла и та литература, в которой еще слышалось общее сердце. Я уже цитировал, как Виктор Петрович читал и слышал «Живи и помни» и «Что передать вороне», какие небесные слова находил — он, который уже и Толстого, «Войну и мир» готов был в те поры «сократить» («барский роман»). И Валентин Григорьевич к слову был строг, и от него случайного слова, а уж тем более похвалы было не услышать. А вот поглядите-ка, как он о светлейших главах «Последнего поклона» говорит: «Это уже некое вознесение письма и осияние его». И о «Царь-рыбе» «Не только поражаюсь, а и подавляюсь этой мощью и точностью и чувствую себя ребенком, который впервые разинул глаза на мир Божий». Кажется, они оба были изумлены, что вот Бог отметил их чудным даром сложения слов и порой вглядывались в себя почти «посторонним взглядом». И не могли позволить себе приблизительного слова, потому что Слово это принадлежало не им.

Хотя и тут они различны. Виктор Петрович знал свое высокое писательское место и при малейшем посягательстве на него «посылал» посягающего и писал жесткие письма в «большие инстанции» по близким ему проблемам, касалось ли это молодых писателей или долгой травли его после публикации рассказа «Ловля пескарей в Грузии». А Валентин Григорьевич вон пишет Марье Семеновне, что «никогда всерьез к себе, как к писателю, не относился и все похвалы и чины принимал с испугом» и боялся, что его «принимают за другого». Тут не было самоуничужения, а было то же чувство и понимание высоты русского слова,

которое, как он однажды писал мне, «давалось» Виктору Петровичу само, так что его «тесто» валило через край — не удержишь, — а ему, Валентину Григорьевичу, надо было «всё время дрожжец добавлять, чтобы взошло».

И, наверное, я по недоразумению сетую, что в переписке мало собственно писательских дел, кроме неизбежных рабочих упоминаний редколлегий и секретариатов. А надо бы как раз удивиться, что из тесноты семейных хлопот, потери детей, смертей близких, неустроенного быта, а в последнее время еще подневольного депутатства и советничества они, словно укрывшись в тайном углу, пишут лучшие книги, высветляя и возвышая в них этот человеческий быт до чуда общей, таинственно и нас обнимающей жизни.

А депутатство это и всякие Советы, куда их за совесть-то и выбирали, для них уже больше были в тягость и обременение. Виктор Петрович умел эту обузу половчее стряхивать и Валентина Григорьевича все звал работать, а не «бороться», и Валентин Григорьевич сам знал, что хорошая книжка и правда больше сделает, но, видя боль страны, понимал, что «писатели — единственные, кто еще пытается говорить об этом». И вот опять народное-то в нем свойство: «Спросят поди-ка с нас за это?» И не в Советах спросят, а на небесах, где с русского человека спрос особый.

Иногда со злостью думаешь, что все тогдашние «поворотчики рек» и уничтожители природы «нарочно» высиживали свои идеи, чтобы скорее известить совесть народную. «Они ведь прекрасно понимают, — пишет Валентин Григорьевич, — что писатель потому и писатель, что у него не слоновья шкура и не каменное сердце и всякий такой удар для него что пулевая рана». Так что Виктор Петрович почти не шутил, говоря, что вот построят Байкальский комбинат и одним хорошим писателем будет меньше — весь на борьбу изойдет (теперь мы знаем, сколько сердца стоили Валентину Григорьевичу эти Байкальские заботы). И Виктор-то Петрович с солдатским и детдомовским опытом от этих «опшщественных наседаний» (уж умел сказать, так умел!)

может или тишком уклониться, или хлопнуть дверью, а Валентин Григорьевич будет тянуть ляжку, потому что ведь не чужие люди, а чаще именно друзья вводят его в различные Комитеты и словно не видят, что пускают в «живые щиты», потому что у него-то совесть и боль, а у них часто «партийные интересы». Будто и не знают его и не видят, что «быть на виду» для него — «мука смертная».

Они должны были разойтись, как ни болезненно это прозвучит. В тот затянувшийся час нервного восторга и помрачения большинства Виктор Петрович больше слушал улицу, а Валентин Григорьевич — свое сердце и не то, что не мог, не умел перемениться, а не хотел, потому что твердый характер и суровый ум, который он умел держать в узде, не позволяли ему изменить тому, что для сердца, для народной его части было святыней. Разные они были. Виктор Петрович весь наружу, а Валентин Григорьевич — весь внутрь: две половинки одного русского сердца. Всё врозь и всё вместе — «умом Россию не понять». Даже и имена, коли семантику поглядеть: Валентин — сильный, здоровый, и уж кто был на тот час сильнее и духовно здоровее Валентина Григорьевича, а Виктор — победитель. Не в одной войне, а во всей мучительной жизни. Другой бы сто раз сдался. Стихотворение-то Петрарки, которое цитировала Марья Семёновна «И жизни нет конца, и мукам краю», первым отозвалось в сердце Виктора Петровича, и он цитировал его так часто, что, казалось, написал его сам — столько вместилось в этой жизни преодоленного страдания.

И как удивительно и неизбежно и опять очень по-русски, что посредницей между ними на полтора десятилетия стала Марья Семёновна. И как же дорога эта часть переписки, где Марья Семёновна бьется между ними и материнским русским чутьем удерживает и их, и наше сердце. Она была сама жизнь. Я писал предисловие к ее «Избранному» и назвал его «Свеча, зажженная с двух концов». Это был сжигающее разное. Виктор Петрович писал свою жизнь, считывая ее с небес (как детство, война, свет и тьма бытия были на-

писаны в общей человеческой судьбе), а она писала «как есть», «как было на самом деле». Кто читал «Веселого солдата» Виктора Петровича и ее «Знаки жизни», сразу поймут разницу. Виктор Петрович после чтения негодовал (а он умел делать это с подлинным пламенем), а она только растерянно говорила: «Витя, ведь там всё правда». И что тут делать, если одна правда может быть прочитана так различно? Любимый Виктором Петровичем из-за совершенной противоположности дара Милорад Павич не зря писал, что одни читают в книгах мужские, а другие женские страницы, и они только вместе и есть жизнь.

И это она умягчала сердце Виктора Петровича, когда он писал в 1991 году в «Литературную газету», «что же касается “доброжелателей”, вдруг обрадовавшихся нашему якобы с Распутиным и Беловым расхождению в жизни и творчестве, то и фронтовые мои друзья и бывшие детдомовцы могут подтвердить, что товарищей и друзей своих я никогда не предавал. А друзья по литературе подтвердят, что я не разучился уважать убеждения других людей, как бы они ни расходились с моими». И как это было важно и дорого Валентину Григорьевичу: «Тяжесть в душе наполовину снялась. Остальное уберем при встрече (тогда, в 1992-м, он еще надеялся на нее). Уж если мы с Вами, с Виктором Петровичем перестанем понимать друг друга — дело совсем плохо. Уж как обрадовалась всякая шпана, рассчитывая, что мы разойдемся всерьез, с какой готовностью бросилась она помогать расходиться...»

Но «шпана» не оставила усилий и добилась бы своего. Да наполовину и добилась, если бы не Марья Семёновна, сама державшаяся за поэзию и за красоту мира (и в 86 она все просила Бога продлить жизнь, потому что «не нагляделась на белый свет, не нарадовалась»). Когда Валентин Григорьевич признавался ей, что многому чему учился у Виктора Петровича в писательстве, а у Вас — в жизни», то теперь и всякий читатель их переписки увидит, как действительно многому можно было выучиться «в жизни» у Марьи Семё-

новны по ее многостраничным письмам, простым и долгим, как разговор в сумерках, когда отступают заботы дня и слово берет сердце.

Всякие общественные заботы и противостояния покажутся малы, когда увидишь, как часто она «подхватывает себя под мышки» и при последней усталости встает, чтобы «помогать Вите» в его неподъемной работе, собирать архив, хлопотать об осиротевших внуках, которые тут рядом и которые пока больше печаль-забота, чем утешение, беспокоиться о больном свекре, про которого («папу своего») Виктор Петрович написал с обиды много чего, а ей вот хочется «реабилитировать его, потому что он дал миру такого человека». И все у нее как-то рядом — вологодские, пермские, близкие, дальние. На всех хватает любви и сердца. И когда Виктор Петрович умрет, они всё будут держаться за него в делящейся переписке, а там, слава Богу, и в свидании и долгих разговорах — «так легко стало, будто и с Виктором Петровичем поговорил».

А виделись мы вместе (Марья Семеновна, Валентин Григорьевич и я) в последний раз в июле 2009 года после того, как навестили Виктора Петровича на кладбище и Валентин Григорьевич сказал, что, может быть, из-за того, что слишком долго не виделись и не говорили в письмах, он не чувствует смерти Виктора Петровича, а будто тот вышел на минуту за какой-то книжкой, чтобы вернуться и горячо (это уж так!) договорить. О чем бы они говорили после стольких лет расхождения и всего, что успело произойти со страной, не знаю, но совершенно уверен, что еще до разговора они немедленно обнялись бы, на минуту пряча глаза друг от друга, и в мгновение этого любящего, прощающего, всё между ними и нами разрешающего объятия что-то случилось бы и в самом сердце России дорогое и необходимое.

И когда после возвращения с кладбища Валентин Григорьевич обнимал Марию Семёновну, я ясно видел, как Виктор Петрович в проеме двери улыбнулся, глядя на них, и лицо его было светло и благодарно жизни за ее мудрость и ми-

лосердие. Ничего я тут не сочиняю «для поэзии». А только вижу, и всё. Да и ты, ты, читатель, ведь видишь, иначе зачем мы разговариваем?

Я с печальной нежностью закрываю эту, к сожалению, по разным причинам неполную переписку двух великих художников и примиряющей Марьи Семёновны и с острой грустью вижу, что все мы остались «на том берегу» невозвратно ушедшей жизни, что время ушло не вперед, а куда-то «вбок» от того, что казалось нам естественным и необходимым в духовном устроении жизни. Что переписка — уже «памятник» русской культуры и истории переломных лет. И «Последний поклон» был подлинно последним.

Но утешаю себя тем, что когда соберется всё эпистолярное наследие Валентина Григорьевича (а оно навряд меньше, чем у Виктора Петровича), мы увидим и жизнь, и историю полнее, светлее, ближе, естественнее. И «тот берег» окажется частью этого, потому что река эта не Лета, а все та же матушка-жизнь, у которой «нет конца», и все мы часть ее небесного свода, а русское слово всё у Бога, и всё — Бог.

*Михайловское,
октябрь 2016-го*

Валентин Курбатов

Из «Молодой гвардии» в «Молодую гвардию»

Вместо предисловия

Это было золотое, счастливое время. Время, когда они познакомились, восхитились друг другом. Валентин Григорьевич свою трудовую деятельность начинал еще в Красноярске, и первая книжка его рассказов и очерков вышла тоже в Красноярске, но Виктор Петрович в это время жил в Чусовом, и там, а чаще в деревне Быковке, начинал сочинять свои первые художественные творения. И знакомство их поначалу было заочное — по публикациям в журналах, в отдельных книгах. И навсегда возникли симпатии друг к другу.

Мария Семеновна была большая аккуратистка. Чуть что — все бумажки в коробки — и по архивам. На белесой из оструганных досок полке в ее маленькой комнатушке из присоединенной к выделенной Виктору Петровичу дополнительной жилплощади — она называла ее «архивной» — лежали две пухлые папки. На одной было крупно выведено: Е. И. Носов, на второй: В. Г. Распутин. Это были письма друзей к Виктору Петровичу, которые она приготовила для архива. Но письма Валентина Григорьевича почему-то никуда не отправила, а когда мы прощались, протянула мне папку со словами: «Пусть будут у тебя, Ася». Случилось это в 2009 году, когда я привезла ей в Красноярск диплом премии Александра Солженицына с трогательной и очень точной надписью: «Виктору Петровичу Астафьеву, посмертно, писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему добро и свет в искалеченных судьбах природы и человека».

Наталья Дмитриевна приглашала приехать на церемонию сына Виктора Петровича Андрея, живущего в Вологде, но Андрей не смог, и тогда организаторы решили: пусть эту премию получит и отвезет в Красноярск редактор. И мне, дрожащей от волнения, в Доме русского зарубежья пришлось выходить на сцену и говорить о знаменательной встрече этих двух исполинов — великого борца с тоталитаризмом Александра Исаевича Солженицына и великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева. А в Красноярске я вручала с небольшой сцены этот диплом Марье Семеновне, которая сберегла для русской и мировой литературы такого творца. А она, маленькая, седая, сидела в инвалидной коляске, величественная и гордая, несмотря на прожитые годы и на эту коляску.

Так 25 писем Валентина Распутина к Виктору Астафьеву оказались у меня в московской квартире. 14 марта 2015 года Валентин Григорьевич покинул этот мир, и стало понятно: письма надо готовить к изданию.

У каждого писателя есть свое издательство, которое издает его книги и выводит в свет. И для Валентина Григорьевича, и для Виктора Петровича такой «повивальной бабкой» стала «Молодая гвардия». В силу своих обязанностей — искать и находить талантливых молодых писателей — «Молодая гвардия», по подсказке В. Чивилихина, руководителя семинара в Чите в 1965 году, и «положила глаз» на молодого иркутянина, и в 1968 году в «Молодой гвардии» вышла первая московская книга В. Г. Распутина, — кроме рассказов и очерков в нее вошла повесть «Деньги для Марии». Потом последовали повести «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», новые рассказы, переводы и публикации в столицах союзных республик, за рубежом. Короче, это время расцвета творчества, расцвета таланта.

Я пришла работать в редакцию современной советской прозы «Молодой гвардии» в 1972 году и застала то прекрасное время.

Чаще всего они приезжали в редакцию втроем: Валентин Григорьевич, Виктор Петрович и Мария Семёновна, скорее всего, после какого-нибудь писательского собрания. И тогда в редакции прекращалась всякая работа, а в маленькой комнатке нашей заведующей — Зои Николаевны Яхонтовой — ставился самовар, и все усаживались вокруг — слушать авторов. В сущности, слушать приходилось в основном Виктора Петровича, который витийствовал, как настоящий актер, а Валентин Григорьевич, сидя в уголке, больше помалкивал, но иногда, к удовольствию публики, вставлял резкое и меткое словцо.

После совместной поездки в Болгарию они пришли оживленные, радостные, и было видно, как гордится талантом Валентина Григорьевича Астафьева.

В 1980 году Виктор Петрович вернулся на жительство на свою историческую родину — в Красноярск. «Сходи в тайгу, пришли мне подснежник, стародуб, веточку кедра», — писал он в Овсянку своему двоюродному глухонемому брату Алёше. Тосковал. Когда тоска сделалась невмоготу, уехал в Сибирь, договорился о покупке дома в Овсянке — наискосок от дома бабушки, на улице комиссара Щетинкина, который загубил его семью.

Уже после смерти Виктора Петровича стараниями Валентины Михайловны Ярошевской дом бабушки был отреставрирован и превращен в музей повести «Последний поклон». Теперь он открыт для всех желающих.

Воспоминания детства нахлынули с новой силой. «Последний поклон» грозился разрастись до трех книг. И Виктор Петрович прислал в «Молодую гвардию» заявку на такую книгу. Он сам нашел свое издательство. Приехал на Высшие литературные курсы, слушал лекции, а больше был озабочен печатанием в столице своих сочинений — уже были написаны повести «Стародуб», «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Кража». В 1972 году в книге Астафьева «Повести о моем современнике» уви-

дела свет его необыкновенная современная пастораль «Пастух и пастушка».

И тут дело застопорилось: скоропостижно, совершенно неожиданно умерла дочь Ирина, остались маленькие внуки Виктор и Полина. Виктор Петрович оформляет опеку и забирает внуков к себе. Пишется медленно. Под выплаченный по заявке гонорар издательство дважды выпускает переиздание — книгу «Военные страницы» и продолжает ждать «Последний поклон». В письмах в «Молодую гвардию» этого времени Виктор Петрович говорит о своей печали, о том, что литератор — это чудовище. Ему надо бы на кладбище бежать, волосы на себе рвать, а вместо этого он сидит за столом и сочиняет «озорные» главы. Действительно, озорные, гоголевские. Гоголь — это его самый любимый писатель. И вытянул. Семь листов нового текста достойно вошли в ткань повести, она вышла в двух томах в трех книгах с молоденьким солдатиком на обложке одного тома и с дедушкой и бабушкой на обложке другого. «Как я счастлив, что дожил до этого дня», — написал Виктор Петрович мне на титульном листе.

А в «Нашем современнике» начали печататься очерки, составившие впоследствии знаменитую книгу Астафьева «Царь-рыба». Она проходила с превеликим трудом. Виктор Петрович не сдавался, упорствовал и не раз попадал в больницу. Вот тогда и началась переписка двух великих мастеров.

Когда мы готовили с ним пятнадцатитомное собрание сочинений в Сибири, я предложила Виктору Петровичу разыскать все выкинутые из текста куски, восстановить первоизданный текст. Виктор Петрович зыркнул на меня единственным зрячим глазом: «Ты что, хочешь, чтобы я снова в больницу попал?!» Я не хотела, оставили все как есть, добавили только снятую главу «Не хватает сердца», про которую в ЦК КПСС сказали: «Можно будет опубликовать в России через 200 лет», а он добился ее публикации через 20.

После выпуска книги «Век живи — век люби», предисловие к которой написал С. П. Залыгин, я, с согласия З. Н. Яхонтовой, отправила письмо Валентину Григорьевичу с предложением выпустить в серии «Отечество» книгу о Сибири. Валентин Григорьевич незамедлительно отозвался: готов. Автор зрительно расширил свой текст художественными фотографиями Бориса Васильевича Дмитриева, иркутского врача. «Патологоанатомов среди авторов редакции еще не было, — шутила Зоя Николаевна, — теперь вот есть». Почти 600 слайдов составили зрительный ряд книги, а макет выпуска подготовил известный московский художник Александр Быков.

«Сибирь, Сибирь...» делалась долго: к уже изданным очеркам Валентин Григорьевич добавил новые, еще предстояло свежим глазом открывать эти земли, реки и горы и писать о них. Наконец в 1991 году книга вышла, и в конференц-зале издательства состоялось ее представление. А для меня как редактора она оказалась моей последней работой в «Молодой гвардии».

Предстояло сдавать в производство тексты шеститомного собрания сочинений Виктора Петровича. Проспект составлен, тексты подобраны. Нужна основательная вступительная статья. Ее напишет, уже написал В. Я. Курбатов. Зимой 1989 года мы летим с Валентином Яковлевичем в Красноярск. Добираемся до Академгородка. Утром Мария Семеновна, уже прочитавшая предисловие, гладит Валентина Яковлевича по голове со словами: «Ты, Валя, от Бога», потом повторяет эту похвалу Виктору Петровичу и говорит мне, видимо, чтобы не было обидно: «И ты, Ася, тоже».

Текст В. Я. Курбатова действительно заслуживал похвалы: если еще неделю назад устами известного литературного критика утверждалось, что творчеством Виктора Петровича двигает исторический оптимизм, то в статье В. Я. Курбатова этим двигательным источником была на-

звана христианская мораль его бабушки Катерины Петровны. «Жизнь на миру» назвал свое обширное вступление В. Я. Курбатов.

Валентину Григорьевичу нравился «Последний поклон», плотная, без пустоты, лирическая проза.

Рядом с Виктором Петровичем и аккуратистка Мария Семеновна стала писательницей. В 1985 году в «Молодой гвардии» вышла тоненькая книжечка ее рассказов «Надежда горькая как дым» с предисловием Ларисы Васильевой. Незамысловатые, простенькие, но очень трогательные истории из жизни «простых людей». А потом последовали тоже простенькие истории-повести «Отец» — об их большой трудовой семье, «Знаки жизни» — повесть о том, как складывалась их семейная с Виктором Петровичем жизнь, повесть «Свёкор» об отце Виктора Петровича, повесть о том, как уходила на войну. Все эти сочинения ее словно писались на одном дыхании, они не были выдуманы, они были словно выдохнуты из ее души. Когда заканчивалась публикация последних томов из пятнадцатитомного собрания сочинений мужа, она тоже захотела подвести итог, и мы сделали с ней ее однотомник под названием «Сколько лет, сколько зим» с предисловием В. Я. Курбатова, а с деньгами на издание помог губернатор края Александр Иванович Лебедь. «Свеча, зажженная с двух сторон», — назвал свое вступление Курбатов, имея в виду, как два литератора по-своему разыгрывали один и тот же сюжет.

Марья, что пропустила через сердце, руки и пишущую машинку все, сотворенное Виктором Петровичем, пережила его на 11 лет. Я узнала о ее кончине из ТВ. В тот же день купила билет на самолет и завтра уже была в Красноярске. У гроба в квартире Виктора Петровича в Академгородке сидели Андрей и Полина. Гроб был очень красивый, но великоватый, в ногах у маленькой женщины пустовато. Весь путь от зала, где шло прощание, до ритуального автобуса был усыпан красными гвоздиками. Они красиво смо-

трелись на белом снегу. Но ведь жизненный путь этой маленькой женщины вовсе не был столь прекрасен. Она немало хлебнула лиха, оберегая своего мужа и свою семью от злых наветов и оговоров. Со смертью Марьи действительно скончался великий писатель В. П. Астафьев.

А перед глазами по-прежнему три улыбчивых лица — Мария Семёновна, Валентин Григорьевич и Виктор Петрович, вернулись из совместной поездки в Болгарию и любят друг друга.

Агнесса Гремичкая

От составителя

Переписка двух великих русских писателей, Виктора Петровича Астафьева и Валентина Григорьевича Распутина, охватывает период в четверть века — с 1974 по 1999 год и содержит 40 с небольшим документов — все, что на настоящее время обнаружено в государственных и частных архивах, в более ранних публикациях. Переписка эта, несомненно, была обширнее, чем представлено в издании, и значительную часть писем, особенно раннего периода, следует, по-видимому, считать безвозвратно утраченной. Да и прервался не частый, но все же регулярный обмен письмами задолго до распутинской поздравительной телеграммы 1999 года — еще в конце 80-х, когда обстоятельства, и прежде всего политические взгляды, надолго развели прежних единомышленников и друзей. Контакт между ними с этих пор поддерживала Мария Семеновна Астафьева, с которой Распутин всегда связывала особая сердечная близость. Их переписка — а в ней всегда незримо присутствовал Виктор Петрович — подхватывает и как бы продолжает, не дает оборваться основной.

Из 58 писем, открыток и телеграмм, входящих в настоящее издание, 44 публикуются впервые, а тексты 14-ти изданных ранее сверены с оригиналами и приводятся с восстановлением купюр и исправлениями, в том числе касающимися датировки.

Оригиналы основного корпуса писем В. П. и М. С. Астафьевых В. Г. Распутину хранятся в его фонде в Отделе ру-

копией Российской государственной библиотеки, куда были переданы самим адресатом. Два документа находятся в фонде В. П. Астафьева в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома).

Большую часть писем В. Г. Распутина сберегла в своем личном архиве редактор и друг В. П. Астафьева — Агнесса Федоровна Гремицкая, которая получила их из рук М. С. Астафьевой незадолго до ее кончины. Лишь два письма, вошедшие в том 14 (Письма 1961—1989 гг.) Полного собрания сочинений В. П. Астафьева, были ранее переданы вдовой писателя в Государственный архив Пермского края.

В настоящем издании информация о местонахождении оригинала дается мелким шрифтом сразу после каждого документа. Отсутствующие в оригиналах и восстановленные в публикации даты и места написания писем приводятся в квадратных скобках, написание дат унифицировано.

Составитель приносит глубокую благодарность руководству и сотрудникам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, Государственного архива Пермского края и лично А. Ф. Гремицкой за предоставление материалов и оказанную помощь.

Февраль 2018

Ольга Лосева

Письма

1

В. П. Астафьев — В. Г. Распутину

20 декабря 1974

[Вологда]

Дорогой Валя!

Поздравляю тебя и всех твоих домашних с Новым годом! Все будьте здоровы, живите дружно, и тебе пусть хорошо работается в Новом году!

Я давно хотел тебе написать, еще сразу, как прочел «Живи и помни»¹, но сам сидел плотно за столом, все еще добываю и добываю «Царь-рыбу»², а она не больно добывается, уходит вглубь, а оттуда, как тебе известно, и налима не больно-то скоро выудишь, вертухается, не дается даже налимом, а тут рыба, да еще и «царь!»...

Очень ты хорошую написал повесть, Валя! Очень! Я такой образцовой, такой плотной и глубоко национальной прозы давно не читал в нашей современной литературе. Да и есть ли она? Есть приближенная к этой, но то ей неприбранность, «лохматость» мешает, то нравственная неясность позиции автора, которому и хочется, и колется что-то сказать, да традиция не велит и «внутренний цензор» мешает. Ты написал роман (конечно же, это роман) о трагедии войны, вот именно народной войны, а то у нас все это слово понимают и принимают в смысле массовости, а не смысл всего происходившего гораздо глубже. Где-то, еще на фронте³, я слышал, уж не помню по какому случаю, сказанное умным человеком: «Молокососы! — (это нам, юнцам, говорилось): — это вы тут хлещетесь, под пулями работаете, надеясь, что потом вас на руках носить будут, помогут вам в жизни. Ни хрена! Как всегда, победу отнимут у наро-

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Курбатов. Между ними и между нами	5
Агнесса Гремицкая. Из «Молодой гвардии» в «Молодую гвардию»	18
От составителя	25

Письма

1. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>20 декабря 1974</i>	27
2. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>15 марта 1975</i>	31
3. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину [<i>июнь 1975</i>]	32
4. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>24 августа 1975</i>	34
5. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину [<i>конец апреля 1976</i>]	36
6. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>14 мая 1976</i>	37
7. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>27 июля 1976</i>	40
8. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>4 февраля [1977]</i>	43
9. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину [<i>ноябрь 1977</i>], телеграмма ..	45
10. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>28 января 1978</i>	46
11. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>27 февраля 1978</i>	48
12. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>4 июня 1978</i>	51
13. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>5 июля 1978</i>	52
14. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым <i>29 декабря 1978, открытка</i>	53
15. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>18 июля 1979, телеграмма</i>	54
16. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>28 июля 1979</i>	55
17. М. С. Астафьева — В. Г. Распутину <i>6 октября 1979</i>	57
18. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым <i>25 декабря 1979</i> ..	60
19. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>13 февраля 1980</i>	61
20. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>[конец октября — ноябрь 1980]</i>	63
21. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>29 апреля 1981</i>	66
22. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву <i>27 декабря 1981</i>	68
23. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину [<i>начало февраля 1982</i>]	69
24. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>28 ноября 1982</i>	71
25. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым <i>22 декабря 1984</i> ..	72
26. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>30 декабря 1984</i>	74
27. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину <i>22 декабря 1985, открытка</i> ..	79
28. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым <i>2 января 1986</i> ..	80

29. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым 9 июня 1986 . . .	82
30. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 5 июля [1986].	83
31. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину 16 июля 1986	84
32. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 17 августа 1986.	86
33. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину 13 октября 1986	88
34. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву [?ноябрь 1986]	90
35. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 24 ноября 1986.	92
36. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым [27 декабря 1986]. .	95
37. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину 14 апреля 1987.	96
38. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 25 мая 1987.	98
39. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 1 июня 1987.	100
40. В. П. Астафьев — В. Г. Распутину [ноябрь-декабрь 1987]	101
41. В. Г. Распутин — М. С. и В. П. Астафьевым 14 декабря 1987, открытка.	107
42. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 9 апреля 1988, открытка	108
43. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 10 января 1990	109
44. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 20 августа 1990	111
45. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 7 июля 1991	113
46. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 30 января 1992	116
47. М. С. Астафьева — В. Г. Распутину [начало марта 1999]. . . .	118
48. В. Г. Распутин — В. П. Астафьеву 30 апреля 1999, телеграмма	124
49. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 19 июня 1999	125
50. М. С. Астафьева — В. Г. Распутину [август 1999]	130
51. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 28 декабря 2001	138
52. М. С. Астафьева — В. Г. Распутину 20 октября 2002.	139
53. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 25 ноября 2002	141
54. М. С. Астафьева — В. Г. Распутину [конец декабря 2002]. . . .	143
55. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 24 октября 2003.	144
56. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 10 августа 2004	145
57. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 25 октября 2004.	146
58. В. Г. Распутин — М. С. Астафьевой 1 ноября 2007	147
Принятые сокращения	148
Примечания.	149

Приложения

I. <i>Астафьев В. П.</i> Вглядываясь в глубь. О повести Валентина Распутина «Живи и помни» (1978)	172
II. <i>Распутин В. Г.</i> Все краски подлинной жизни (1984)	175
III. <i>Астафьев В. П.</i> Сострадание: К пятидесятилетию Валентина Распутина (1987)	180
IV. <i>Астафьев В. П.</i> Друзей своих я никогда не предавал (1991)	185
V. <i>Астафьев В. П.</i> [Валентину Распутину – 60 лет] (1997) . . .	187
VI. <i>Распутин В. Г.</i> Из интервью (2004)	192
Указатель имен	193

Астафьев В. П., Распутин В. Г.
П 35 Просто письма... / Виктор Астафьев, Валентин
Распутин. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 204 с.: ил. —
(Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; вып. 30).

ISBN 978-5-235-04541-5

Переписка двух великих русских писателей, Виктора Петровича Астафьева и Валентина Григорьевича Распутина, охватывает период в четверть века — с 1974 по 1999 год. Годы по-настоящему переломные, сложные, противоречивые. На этих страницах вы не найдете «панасейных» рецептов, морализаторства или авторитарных оценок. Зато почувствуете дыхание *простой жизни*, такой, какая она была, есть... Посредницей между двумя гениями на полтора десятилетия стала Мария Семёновна Астафьева. Теплота и нежность женского голоса *просто* и естественно вписываются в канву неоднозначных взаимоотношений двух творцов.

У каждого писателя есть *свое* издательство. И для Валентина Григорьевича, и для Виктора Петровича им стала «Молодая гвардия». Так что совсем не случайно, что эта книга выходит именно здесь.

Перед вами без преувеличения — памятник русской культуры и истории переломных лет. Но лучше *просто читаемся* в свет и уходящую правду, в которой слышится общее сердце...

УДК 821.161.1-6
ББК 84(2Рос=Рус)бю14

знак информационной
продукции

16+

Виктор Астафьев, Валентин Распутин
ПРОСТО ПИСЬМА...

Научный редактор **А. Ф. Грещицкая**
Редактор **М. К. Залеская**
Художественный редактор **И. И. Сулов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. Б. Рябикова**

Подписано в печать с готовой электронной версии 14.02.2022. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 10,71. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsc1@gvardiya.ru

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

ISBN 978-5-235-04541-5